

Философия

УДК 159.9.316.6+ 39(4/9); 17.023.32

Как возможен опыт идентичности

¹ Евгений Томович Тесля

² Светлана Николаевна Тесля

¹⁻² Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

¹ Кандидат философских наук, доцент
E-mail: bolderevaolga@rambler.ru

² Доктор философских наук, профессор
E-mail: Wayness@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается логика и технология вербальной презентации опыта идентичности на примере смысловых коннотаций с понятием «народ». Речь идет о логике тавтологии, где тавтология понимается как формализованный в речи *взгляд*. А технология – это *повтор*, позволяющий говорить о ритмике *становления*, в которой и разворачивается опыт идентичности. Обосновывается мысль о том, что проблематизация, осмысление идентичности и понимание этноса как категории, сворачивающей опыт идентичности, невозможна без проблематизации «себя».

Ключевые слова: субъект жизни; этнос; идентичность; народ; семья; нация; понятие; предмет; смысл; становление.

Введение. В начале XXI века в отечественной философии отчетливо обозначился поворот к «практической философии» [1], что означало выход профессиональных философов из «академических кабинетов» в «жизненный мир» - туда, где обобщение лишь возможно, где философу предстоит объявить действительную философскую культуру и позиционировать себя в практической жизненной ситуации в качестве «человека», доселе только рассуждавшего о единстве человека и мира. Одним словом, предстояло антропологизировать себя, отказаться от «естественной установки» на поиск завершенных гештальтов бытия, «проверить» себя на способность «взгляда» [2] на целое, которое «открыто» и «всегда становится», которое требует отказа от «непосредственной понятности» [3, с. 80] и, тем не менее, осуществить реальный шаг к «осмысляющему раздумью» [4, с. 104], порождая *текст* «здесь-и-сейчас» свершающегося опыта присутствия. Текст, который, подобно «сериалу», может порождаться и продолжаться бесконечно, но исчезает, как только философ поддается искушению сделать его «интерсубъективным».

Данная работа носит постановочный характер: мы попытались смоделировать контекст, который требует *не* запланированной и *не* прогнозируемой заранее, но лишь тематически обозначенной, импровизации. Трудность исполнения такой задачи и позиции - в том, что любое изложение ретроспективно, в то время как опыт, о котором идет речь в статье, длится, пока он происходит, пока он производится «из ничего», пока он «вызывается к бытию» желанием породить его и участвовать в нем.

Более того, нельзя заранее предсказать, в «какую сторону подует ветер», какой нюанс, случайный оттенок контекста, толкнет к рисунку изложения, и невозможно объяснить, как из этого «абриса», «наброска» выстроится живой феномен – идентичность. А именно это нас и занимает в первую очередь: не суждение об идентичности, но именно опыт идентичности.

Материалы и методы. Представим, что гипотетическое количество читателей статьи, исчислимо и, одновременно, случайно и не случайно, в смысле внимания к названию работы, вызвавшему желание прочесть ее. Этим мы конструируем схему ситуации общения, актуальной для всех участников до тех пор, пока их желание сохраняется. Ожидая и предвосхищая «нечто» друг от друга, читатели и «авторы» создают актуальное психологическое поле, пусть заочного и «не наглядного» взаимодействия, но «включающего» (как включают свет) то настроение, которое можно назвать

«энергичным» импульсом предстоящего события – опыта идентичности. Предвосхищаемое становится привлекающим, привлекательным.

Далее, разворачивается следующий сценарий. Он прост и напоминает провокацию. Скажем, один из нас – авторов статьи – предлагает вам, читателям, сделать странный, на первый взгляд, выбор: он сообщает, что, на данный момент, есть *два* текста. Один написан заранее, до момента «живого общения» – некая «болванка-заготовка». Его можно сравнить со сказочной «мертвой водой», которой окропляют бездыханного героя, чтобы «тело срослось» [5, с. 46].

Другой текст – тот, которому еще только предстоит появиться, если на то будет воля здесь и сейчас собравшегося «сообщества» («читателей»). Его можно сравнить с «живой водой», собственно, и приводящей «героя» сказки в «чувство», вырывая его из небытия, для того, чтобы сказ продолжался и сказка сказывалась.

И потому «авторам» требуется услышать от читателей разрешение на предпочтение – либо ретроспекции, либо исполнения живого говорения. И то слово, которое авторы, как будто (по сценарию), услышали сейчас, позволяет им обратиться именно к «живой воде» – становящемуся «вот-тексту».

Итак, читатель разрешает говорить, соглашается слушать и уже поэтому – соучаствовать. Но еще не вполне сознает, «что происходит». Чтобы «запутать» его окончательно, то есть, сбить с естественной установки на «узнавание» знакомого и знакомого, мы приводим несколько строк из доклада Ж. Дерриды, прочитанного им в Университете Вирджинии (Шарлоттевилл) в 1976 году:

«Лучше, чтобы вы сразу же узнали: я не выполню своего обещания.

Прошу у вас за это прощения, но сегодня я не сумею сказать вам, пусть даже и обиняками, о том, что обязался обсудить. Положа руку на сердце, я не прочь был бы суметь это сделать.

Но, поскольку мне не хотелось бы попросту обойти молчанием то, о чем я должен был перед вами говорить, я скажу об этом кое-что в виде извинения. Итак, я скажу вам чуть-чуть о том, о чем не скажу и о чем бы мне хотелось, ибо я обязан это сделать, вам сказать» [6, с. 25].

Задав таким образом проблематичный характер всей ситуации общения, мы достигли определенного результата: готовности читателей взять на себя некоторую ответственность за «происходящее» «кое что». И уже достигнуто понимание, что это «кое что» без их включения не произойдет.

Обсуждение. Достигнув такого «состояния включения» со стороны читателей, авторы делают следующий шаг – предлагают важный тезис и, одновременно, вопрос: «если принять за исходное, суждение о том, что опыт идентичности исключает ретроспекцию и не может быть «высказан» апостериори, то основная проблема в этом контексте – *что* из себя должен представлять язык высказывания, позволяющий прикоснуться к опыту идентичности «как она есть»? И – следующая за ней проблема: в качестве кого следует позиционироваться, чтобы прожить опыт идентичности? И сразу же – гипотеза: все это возможно, если позиционировать себя в качестве «этноса».

Однако такая гипотеза моментально фальсифицируется, как только мы попытаемся представить себя «этносом», поскольку представить это невозможно. Каким-то странным образом, «этнос» будет ускользать, и интроспекция окажется «пустой». Ясно, что не хватает единой «точки отсчета». Тем более что понятие «этнос» часто употребляется в разных значениях: это и «люди», и «народ», и «народность». Поэтому, принимая тот факт, что слово «этнос» имеет много синонимов, зададим концептуальную «аксиоматику», приняв которую авторы и читатели поднимутся на ступень выше – станут «сообществом». Приводим несколько аксиом:

1. Исходным допущением для авторов является понимание «человека» как «субъекта жизни» [7]. Понятно, что категория «субъект жизни» требует хотя бы минимальной «расшифровки». В «двух словах»: «субъект жизни» имеет иное значение, нежели «субъект», несущий гносеологическую нагрузку «актера», инициирующего рациональную по характеру активность по отношению к «объекту» [8].

2. «Субъект жизни» соотносится не с «объектом», но с «человеком» и «жизнью», имея значение *позиции* человека по отношению к жизни в целом.

3. Такая «позиция» подразумевает «перевод» жизни в бытие – в ритме становления. «Перевод» в этом контексте трактуется, как процесс *порождения идеального, преобразующего реальное, или как субъектность субъекта жизни.*

4. Конкретизация возникает тогда, когда, приняв ряд онтологических допущений, вводятся две *формы субъекта жизни* – *социальный субъект* и *этнос*.

5. Направленностью субъектности этноса принимается стремление к полноте *идентичности* [9].

Здесь приходится высказаться «в духе» Платона: «этнос» рассматривается нами в качестве «универсалии», «категории» («идеи») [10], следовательно, речь может идти о «собирании» значения этой категории на уровне «онтологизирующих» ее понятий («эйдосов»), каковыми принимаются «семья», «народ», «нация». «Народ», как видим, вводится в контекст «этноса».

Из далеко не однозначных трактовок «идентичности» выделим то основное, от чего зависит дальнейшая логика рассуждения – понимание идентичности как «тождества себе», «восприятия себя собой» (психологический аспект). Именно такая трактовка идентичности делает некорректным синонимизацию «идентичности» и «идентификации», позволяет относить значения этих понятий к различным семантическим полям опыта бытия [11]. Один опыт бытия порождается социальным субъектом, и универсальным психологическим концептом семантического поля социального субъекта является «Я» – хозяин «самости», «Self».

Иной опыт бытия «собирается» этносом, и ведущим психологическим концептом семантического поля этноса выступает «себя». С нашей точки зрения, то, что обозначается понятием «себя», несет значение предельного интроспективного «денотата» (“Bedeutung” – Г. Фреге [12]) идентичности.

Вглядимся в понятие «себя», к которому столь часто «прибегал» Г.В.Ф. Гегель в своем понимании «истины»: «истина это в-себе-и-для-себя» [13, с. 25, 31, 369]. «Себя» оказывается, в этом сопоставлении, «связкой» «идентичности» и «истины», оставаясь тем «очевидным», по отношению к которому надлежит осуществить вопрошание (Э. Гуссерль).

Ключевая мысль вырисовывается именно в этот момент: проблематизация, осмысление идентичности и понимание этноса как категории, сворачивающей опыт идентичности, невозможны без проблематизации «себя». Или: проблематизация идентичности, собственно, начинается с проблематизации себя. Основная наша задача в этой связи: осуществить один из вариантов логики и технологии вербальной презентации опыта идентичности. В форме вопроса это звучит так: как возможен опыт именно идентичности, который и показывает этнос как форму субъекта жизни (скажем, на примере народа)?

Забегая вперед, кратко выскажем заключительный тезис: логика, о которой идет речь, – это логика тавтологии, где тавтология – формализованный в речи *взгляд*. А технология – это *повтор*, позволяющий говорить о ритмике *становления*, в которой и разворачивается опыт идентичности.

Поводом к предлагаемому ниже варианту размышления о том, как возможен опыт идентичности, послужила реплика, прозвучавшая на одной тематической конференции: «А народа – вообще нет!». Переживание смысла этой реплики и «вылилось» в Событие, имеющее, как ни странно, отношение к каузальной теории референции С.А. Крипке. Фраза «народа – вообще нет» была «выполнена» в духе «антидескриптивизма» [14], предлагая взглянуть на понятие-имя «народ» с позиций эссенциализма и номинализма.

Теперь, имея сценарий «имени» без «предмета» (понятие «народ» без «предмета» – народа), мы попадаем на «территорию» «возможных миров».

Лейтмотивом дальнейшего хода мысли могут стать два тезиса: один из них касается «логики смысла», другой – соотношения «имени» и «предмета»:

1. В предисловии к книге Ж. Делеза «Логика смысла» точно сказано: «Главный принцип философии Делеза состоит не в том, чтобы отражать (рефлектировать) то, что выступает как налично данное. Речь, скорее, идет о созидании понятий, но не понятий о чем-то, что уже предсуществует и требует своего осмысления, а понятий о том, что еще должно стать объектом, чего пока нет «на самом деле»... Смыслы порождаются... Событием, и анализу этого смысла-события посвящена вся работа Делеза, требующая выхода за пределы традиционных построений, базирующихся на трансцендентализме и феноменологии. Местом, где возможно такое «выхождение за пределы», ... Делез считает язык – и, прежде всего, его выразительную функцию» [15, с. 9].

2. С.А. Крипке в каузальной теории референции: имя указывает на объект благодаря наличию каузальной связи с объектом через сообщества говорящих [16].

Подходящей метафорой для прояснения связи этих тезисов может послужить скульптура «невозможного треугольника Пенроуза», установленная в австралийском городе

Перт: три разрозненные «стороны» «треугольника» собираются в реально виртуальный треугольник единственно взглядом наблюдателя, передвигающегося вокруг него таким образом, чтобы достичь той единственной точки, где игра света и тени завершает гештальт фигуры, который разрушается, едва «смотрящий» передвинется с этой точки на минимальное расстояние. Взгляд наблюдателя оказывается «виновником» эффекта цельности фигуры, остающейся «невозможной» без взгляда. Конституирующая сила взгляда необходимым образом порождает «предмет», остающийся, тем не менее, «невозможным», несмотря на то, что имеет «имя» - «треугольник Пенроуза».

Если считать, что в данный момент, здесь и сейчас, мы представляем собой «сообщество говорящих» (авторы и читатели), то «имя» (в нашем случае, «народ») «именно» указывает на некий объект в той мере, в какой «сообщество говорящих» равнодушно к этому имени. Более того, связь имени с объектом может считаться каузальной, если «сообщество говорящих» производит семантическое поле, в котором оно *необходимым* для себя образом соотносится с «именем» – в нашем случае, с «народом».

Результаты. Итак, мы вправе поставить вопрос о содержании той необходимости, которая делает из «сообщества говорящих» *посредника* между понятием «народ» и народом (как объектом-предметом). Таким образом, подключая нас к имени, мы, через себя, получаем выход к некоему *полю*, в котором понятие «народ» будет фигурировать как то «означающее», которое выступит его (поля) воплощением и задаст его идентичность. В идеале, анонимное «сообщество говорящих» должно «соединиться» с именем настолько, что оно станет его «именем собственным». И, если это имя – «народ», то, доселе анонимное, «сообщество говорящих» становится тем «предметом», которым и является «народ».

Народ как «предмет», в этом контексте, окажется тем «предметом», которого изначально «на самом деле не было», но который появляется в процессе преодоления «сообществом говорящих» того «семантического вакуума» (В.В. Налимов), в котором оно изначально «находит» «пустое понятие «народ»» и по поводу которого производит усилие конституирования смысловых рядов.

Предлагаем провести серию смысловых шагов, наподобие игры, в которой будем отмечать смысловые переходы как, своего рода, **«ключи»** к продвижению к иному смысловому ряду, рассчитывая, прежде всего, на поддержку со стороны вашего воображения. Так мы предполагаем достичь понимания, что опыт идентичности производится только в становлении идентичности, становлении себя иным себе. Подобно тому, как рассказ появляется в ходе рассказывания, а песня – когда она поется, идентичность каждый раз порождается усилием прорастания к себе из себя.

Итак, *«игровой ряд 1»*. Пусть, с точки зрения антидескриптивизма, «народ» - «пустое» понятие. Но, поскольку понятие все-таки есть, в своей иррациональной «пустоте» оно сродни «мифу», «идее», «практической иллюзии» (И. Кант), в которую *так хотят верить*. Зададим вопрос: «Кто хочет?» Ответ выглядит парадоксально: «Тот, кого нет, пока он чего-то в этом духе (иррациональном) не захочет!»

Ключ. Вопрос к следующему смысловому переходу, подводящему нас к проблематизации идентичности: «А если «захочет», то кто это?»

«Пустое» не означает «отсутствующее». «Пустое» может значить «возможное», «потенциальное» (шаг первый).

Соблюдая игровой «формат», скажем о понятии «народ»: «народ» можно рассматривать как «возможное» понятие, понятие-в-возможности (шаг второй).

И, следовательно, только «в возможности» - понятие (шаг третий).

С этого момента можно уже рассуждать содержательно: итак, мы «получаем» «еще не народ» (предмет) (шаг четвертый).

Игровой ряд 2. Вспоминая «Алису в стране чудес» Л. Кэрролла, сюжет, где Алиса, становясь то меньше, то больше, в этом съезжании с точки равновесия, обретала его, чувствовала себя – собой, представим следующие варианты интерпретации *идеи становления* как «логоса» народа:

1. Народ (предмет), как Возможность, или «несущий возможность в себе» (здесь акцент делается на идее возможности). И в этом смысле, народ как возможность предполагает *возможность* народа.

2. Возможность народа (стадия различности: предполагается, что в некоем «поле», где есть «одно», «другое», «третье», *возможно* и «четвертое» - народ).

3. Возможность (вероятность) народа / невозможность (невероятность) народа («еще»/«уже» не возможность). Здесь снова акцентируем «смысловой переход»: **«невозможность (невероятность) народа» - «невозможный (невероятный) народ».**

Ключ. Невозможный народ – «фикция» (от лат. *factio* - выдумка – вымысел; нечто несуществующее). Но «невозможный» также означает «чудо». «Место» чуда – в мифе. Смысловой переход: **народ это – миф.** И как понятие, он – миф, и как предмет – миф.

Миф о себе самом: миф о народе, или миф (1) о мифе (2), миф мифа - мы получили «две иллюзии». Но, благодаря понятию-мифу (1) одна из иллюзий – миф (2) - переводится в план присутствия (= виртуального бытия), подобно одному из средневековых доказательств бытия Бога: если есть понятие «Бог», значит, ему должно что-то соответствовать, следовательно...

Т.о., благодаря тавтологии мы подошли к «формуле» идентичности:

- народ в качестве мифа (2) обладает бытием, или:
- бытие мифа – народ, или:
- народ в бытии мифичен, или:
- миф – это бытие народа.

Тавтологичная фраза «миф о мифе» или «миф мифа» разворачивает «варианты» идентичности. И идея «становления» - в «пользу» идентичности. И с этим трудно было бы согласиться, не будь, с нашей, «авторской», стороны, постоянных коннотаций с вами – «сообществом говорящих».

Игровой ряд 3. Миф о мифе. Миф не «предназначен» слушателю, зрителю, Другого – нет! Миф исполняется. Поэтому, миф о мифе=народе исполняется самим народом=мифом, получающим себя в ходе этого «исполнения» во всегда ускользающем мифотворчестве («мифическом размыкании себя»). Возникает тема **мифа**, как желания, и **желания**, как мифа, и, наконец, **желание мифа**. Коннотация: миф – желание и желание - миф.

Ключ. Психологически, миф - это воображение невидимого, неслышимого, неосознанного – *невозможного* с точки зрения чувственной, сенсорной, очевидности и доступности. За мифом «стоит» сверхъестественное, мистическое.

Смысловой переход: **опыт идентичности мистичен.** «Мистическое» «складывает» в себе желание встречи со сверхъестественным. Здесь проявляется «работа» идентичности: мистика, магия (волшебство, волшебная сказка, знахари, целители, провидцы, предсказатели, гадалки, пророки, святые, шаманы и т.д. – обязательно должны быть «достоинством» народа). А в целом, сверхъестественное – естественно для идентичности этноса (семьи, народа, нации). И рука об руку с мистикой и магией всегда идет символическое.

Заключение. Конститутивный характер связи «себя» и «имени», «себя» и «народа», разворачивается в опыте идентичности, интендирующем воплощение имени в предмет – народ. В этом смысле, фраза «А народа – вообще нет», имея в виду «не существование» предмета – народа -, раскрывает «второй план» своего сценария, давая возможность интонационно перестроить все предложение: «А народа вообще – нет». Негации здесь подлежит не народ-предмет, но абстракция «вообще», относящаяся к имени «народ». «Пустота» имени «снимается» актуальным *включением себя* усилием преодоления стереотипа завершенности. И действительно: ни имени, ни предмета - нет, пока они не есть. Следовательно, и имя, и предмет есть в той мере, в какой они есть в-себе-для-себя-из-себя.

Примечания:

1. Программы конференции Дни Петербургской философии, 2007. Миссия интеллектуала в современном обществе; Дни Петербургской философии, 2008. Человек познающий. Человек создающий, человек верующий, 2008; Дни философии в Санкт-Петербурге, 2012. Философия и образование в современном мире / институт Философии СПбГУ © 2014. <http://philosophy.spbu.ru/5150>.

2. Райл Г. Понятие сознания Общая научная редакция В.П.Филатова / G.Ryle. The Concept of Mind. N.Y.: Barnes & Noble, 1949. М.: Идея-Пресс. 2000.

3. Хайдеггер М. Время и бытие / Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: Пер. с нем. /под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высш. Шк., 1991. 192 с. (Б-ка философа). С. 80-101.

4. Хайдеггер М. Отрешенность / Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: Пер. с нем. /под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высш. Шк., 1991. 192 с. (Б-ка философа). С. 104-111.
5. Русские народные сказки. Марья Моревна. Кишинев: Литература Артистикэ, 1988. С. 40-50.
6. Деррида Жак Ухобиографии: Учение Ницше и политика имени собственного / Пер. с франц., предисловие и комментарии В.Е. Лапицкого. СПб: Академический проект, 2002. 106 с. (XX век. Критическая библиотека).
7. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. Изд.2. Отв. Ред. Е.В. Шорохова. М.: «Педагогика», 1976.
8. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Издательство «Наука», 1980.359 с.
9. Идентичность (нем. Identitat, англ. identity, фр. l'iden-tite) - как логическая категория, означает отношение, члены которого тождественны друг другу (н-р., понятия «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» идентичны - оба означают планету Венера); в качестве категории метафизики «идентичность» (тождество) есть характеристика бытия, более фундаментальная, чем различие. М. Хайдеггер в своих размышлениях об идентичности опирается непосредственно на элеатов: идентичность для него есть всеобщность бытия. Всякое сущее тождественно самому себе и - в той мере, в какой оно есть сущее, - всякому другому сущему. Идентичность, т.о., исключает различие (ибо исключает иное бытие и, стало быть, то, что выступает причиной инаковости - изменение) / *Философия: Энциклопедический словарь*. М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004 // © Академик, 2000-2013 // dic.academic.ru Идентичность.
10. Видищев В.В., Тесля С.Н., Шуванов И.Б. Принцип субъектности в социальной философии и психологии личности // *European researcher*. 2011. № 1 (август 15) часть 1. С. 1215-1221.
11. Рикер П. Повествовательная идентичность // [philosophy.ru](http://philosophy.ru/library/ricoeur/iden.html) library /ricoeur /iden.html
12. «Bedeutung» (нем.значение, смысл), английский перевод этого термина - «denotation» (англ.обозначение, название). В значении референта (то есть конкретного объекта внешнего мира, который имеет в виду говорящий, произнося данное имя) термин «денотат» употребляется как русский эквивалент термина Ф. Фреге // [baryshnikovphotography.com](http://baryshnikovphotography.com/bertewor/Денотат) bertewor/Денотат
13. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. Отв. ред. Е.П. Ситковский. Ред.коллегия Б.М. Кедров и др. М., «Мысль», 1977. 470 с.
14. Антидескриптивизм – один из известных подходов к определению природы значения, наряду с дескриптивизмом. Подробнее см.: Гаспарян Д.Э. Дескриптивизм и антидескриптивизм и теории значения в структурной лингвистике / *Именование, необходимость и современная философия* / отв. ред. В.В. Горбатов. СПб: АЛЕТЕЙЯ, 2011. 287 с. С. 47-57. Антидескриптивизм соединяет слово с объектом в некоем акте крещения, в котором извне полагаемая связь предмета и его имени оказывается решающей / Краснухина Е.К. Дескриптивизм и антидескриптивизм: означающее как объектно-ориентированное желание // *Мастер и профессионал: история и современность: Сб.статей в честь 70-летия профессора Константина Семеновича Пигрова* / Под ред. И.В.Кузина. СПб.: Изд-во С.-Петербур.ун-та, 2009. 314 с. С. 201.
15. Свирский Я.И. Предисловие переводчика / Делез Ж. *Логика смысла*. М., Издательский Центр «Академия», 1995. 298 с.
16. Kripke S. *Naming and Necessity*. Cambr. (Mass.). 1980 / *Новая философская энциклопедия: В 4 тт.* М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001; *Философия: Энциклопедический словарь*. М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.

UDC 159.9.316.6+ 39(4/9); 17.023.32

How Is Identity Experience Possible?

¹ Evgeny T. Teslya

² Svetlana N. Teslya

¹⁻² Sochi state university, Russian Federation
354000, Krasnodar krai, Sovetskaya Str. 26 a

¹ PhD, Associate Professor

E-mail: bolderevaolga@rambler.ru

² Doctor of philosophical sciences, Professor

E-mail: Wayness@yandex.ru

Abstract. The article considers logic and technology of verbal presentation of the identity experience on the example of the notional connotations with the concept 'nation'. It is referred to the logic of tautology, where tautology is understood as a *vision*, formalized in speech. And technology is the *repeat*, enabling us to speak about the rhythmic of *formation*, where the identity experience is displayed. The idea that problematization, comprehension of identity and understanding of ethnos as a category, reducing the identity experience is impossible without 'self' problematization is justified.

Keywords: subject of life; ethnos; identity; nation; family; idea; subject; sense; formation.